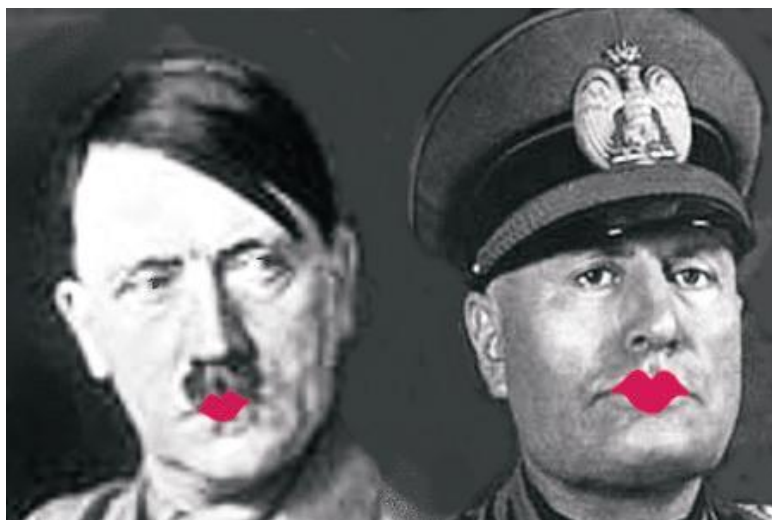

РОБЕРТ ДЭВИД МАКДОНАЛЬД

ВСТРЕЧА НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

**Robert David MacDonald
SUMMIT CONFERENCE**

**Перевод с английского
Павла Шишина**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СОЛДАТ

ЕВА БРАУН

КЛАРА ПЕТАЧЧИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната с высоким потолком в Канцелярии в Берлине. По комнате в беспорядке расставлены несколько моделей зданий в стиле Шпеера, Трооста, Гислера¹. Из-за отсутствия окон невозможно определить, что сейчас лето 1941 года.

Звонит телефон. Входит СОЛДАТ, снимает трубку.

СОЛДАТ. Ja... jawohl...² Когда они думают начать? *(Пауза.)* Чёрт, хороший вопрос! Самое время!

СОЛДАТ отходит на своё место и ждёт. Слышно, как снаружи взад и вперед марширует часовой. В другую дверь входит ЕВА. СОЛДАТ вскидывает руку в приветствии. ЕВА смотрит немного растерянно и неловко салютует в ответ.

ЕВА. А подушки?

СОЛДАТ. Подушки, gnädige Frau³?

ЕВА. Подушки. Мои подушки. Те... Которые я подарила ф... моему др... на день рождения на прошлой неделе.

СОЛДАТ. Я спрошу, gnä' Frau.

ЕВА. Я не замужем, ты же знаешь.

СОЛДАТ. Да, gnä' Frau.

ЕВА. Значит, не надо называть меня так.

СОЛДАТ. Да, gnä' ...

ЕВА. Сойдёт и шефиня.

СОЛДАТ. Шефиня.

ЕВА. Шефиня, слово «шеф» в женском роде, понятно? И не надо так бояться – по всей видимости тебе никогда больше не придётся употреблять это слово. Только сегодня.

СОЛДАТ. Хорошо, gnä' ... шефиня.

ЕВА. А теперь пойдёшь принеси подушки.

СОЛДАТ уходит. ЕВА немного нервничает. Она включает радио – звучит музыка. Подходит к зеркалу, кладёт макияж на прежде бесцветное лицо. Напевает по-немецки мелодию, например «Ten Cents a Dance»⁴. Оглянувшись по сторонам, закуривает сигарету. Входит СОЛДАТ с двумя подушками, на которых вышита свастика. ЕВА прячет сигарету – слишком поздно.

ЕВА. Настоящая немецкая женщина не курит, не так ли? *(Нет ответа.)* Сколько тебе лет?

СОЛДАТ. Девятнадцать... шефиня.

ЕВА. Подходящий возраст испытать свои убеждения. На неопровержимых уликах. Когда появится моя гостья?

СОЛДАТ. Она прибудет в пять часов.

ЕВА. Я хочу увидеть, как она приедет. Хочу увидеть её машину. *(Идёт к двери.)*

¹ Альберт Шпеер (1905–1981) – немецкий архитектор, писатель, высокопоставленный чиновник нацистского правительства, иногда называемый «первым архитектором Третьего Рейха»; был в дружеских отношениях с Адольфом Гитлером.

Пауль Троост (1878–1934) – немецкий архитектор, приверженец простого сдержанного лишённого излишеств архитектурного стиля.

Герман Гислер (1898–1987) – немецкий архитектор времён Третьего Рейха, ценимый Гитлером наравне со Шпеером.

² Да... так точно... *(нем.)*

³ Сударыня, госпожа *(нем.)* – обращение к замужней женщине.

⁴ «Ten Cents a Dance» – популярная песенка, написанная в 1930 году композитором Ричардом Роджерсом на слова Лоренца Харта. Написанная для Ли Морс, песня впервые исполнена Рут Эттинг, и именно в её исполнении стала широко известной.

СОЛДАТ (*преграждая путь*). Простите, шефиня.
ЕВА. Ты соображаешь, что делаешь?
СОЛДАТ. У меня приказ.
ЕВА. Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и канцлер немецкого Рейха, служить верой и правдой до самой смерти, и Бог мне судья. Тебе нравится музыка?
СОЛДАТ. Это американская?
ЕВА. Наверное. Ты любишь танцевать?
СОЛДАТ. Я?..
ЕВА. Ну а кто же ещё?
СОЛДАТ. Иногда, шефиня.
ЕВА. Девятнадцать лет, а скромный. И честолюбивый?
СОЛДАТ. Я всего лишь хочу...
ЕВА. Не утруждайся. Ты всего лишь хочешь служить отечеству и своему великому вождю всеми силами и до последней капли крови. У тебя есть братья, сёстры?
СОЛДАТ. Девять, шефиня?
ЕВА. Да ну? А, понимаю... (*Едко.*) Какое счастье для тебя и твоей матери. Её, я полагаю, наградили крестом германского материнства?
СОЛДАТ. Первого класса.
ЕВА. Ещё бы! Ты, наверное, и собак любишь?
СОЛДАТ. У нас дома есть собака.
ЕВА. Немецкая овчарка? Естественно. Образцовая семья. Далек пойдёшь. А может, и очень. Ну почему итальянцы всегда опаздывают? Они хуже австрийцев – я хочу сказать, венцев. «Всему своё время!» Италия даже на войну опоздала. Отгадай загадку: чем отличается Юлий Цезарь от Муссолини?
СОЛДАТ. Я не знаю.
ЕВА. Цезарь пришёл, увидел, победил. Муссолини пришёл, когда увидел, что победил другой. По-моему, в военное время чертовски важно сохранять чувство юмора.
СОЛДАТ. Очень разумно, gn... шефиня.
ЕВА. Он хвастается, что заставил поезда ходить по расписанию. Похоже, в наши дни опаздывают только женщины.
СОЛДАТ. Немецкая женщина всегда остаётся немецкой женщиной.
ЕВА. А кем ещё она может быть?
СОЛДАТ. Я не знаю, шефиня.
ЕВА. Так думай хоть немного, прежде чем говорить.

Из-за сцены доносится шум.

Это она?

Звонит телефон. СОЛДАТ берёт трубку.

СОЛДАТ. Ja... jawohl... am Apparat... Ja, Herr Obersturmbannführer... nein¹. Фюрер и дуче только что прошли в зал заседаний... sehr gut...² На служебном лифте?... ничего смешного... jawohl... zu Befehl... Auf Wiederhören³.

ЕВА. Дуче – гость нашей страны. Ты должен называть его первым. Учтивость прежде всего. Ну?

СОЛДАТ. Гостя фрау шефини прибует с минуты на минуту.

Стук в дверь.

ЕВА. Наконец-то! Herein!⁴

¹ Да... так точно... у аппарата... Да, господин оберштурмбанфюрер... нет. (*нем.*)

² Очень хорошо (*нем.*)

³ Так точно... слушаюсь... До свидания (*нем.*)

⁴ Войдите! (*нем.*)

СОЛДАТ вскидывает руку в приветствии.

Входит КЛАРА. Она чуть старше ЕВЫ. Одета шикарно.

КЛАРА. Как ужасно опаздывать! Вы должны простить... (*Замечает СОЛДАТА, поправляет ему руку.*) У нас в Риме приветствие выше. Cara¹, как приятно наконец вас увидеть. Мы с вами разминулись в Неаполе до... того, как это всё началось. Вы произвели огромное впечатление. La bella bionda². (*ЕВА тоже вскидывает руку в приветствии, не давая КЛАРЕ подойти ближе.*) Ах, tesoro³, это, конечно, негигиенично, но один разок... (*Целует ЕВУ.*) Sorella.⁴ Мне кажется, мы с вами давно знакомы.

ЕВА. Я рада, что вы смогли приехать.

КЛАРА. А какие сцены мне пришлось для этого устроить! Но поезд был превосходный. До самой границы.

ЕВА пропускает замечание мимо ушей и, улыбнувшись, поворачивается к СОЛДАТУ.

КЛАРА. Можете подавать чай.

СОЛДАТ уходит.

КЛАРА. Как чудесно увидеть что-то кроме этого бесконечного жуткого коричневого цвета! Какой странный выбор. Почему не синий? Он не годится для итальянских мужчин, но к светлым волосам и...

ЕВА. Это национальный цвет Баварии. Где я родилась.

КЛАРА. Вы хотите сказать, синий цвет слишком провинциальный? Красный? Нет, конечно нет. Чёрный? Уже занят. А белый?

ЕВА. Слишком женственный.

КЛАРА. Да? Чудно. Что ж, тогда остаётся коричневый.

ЕВА. Цвет земли.

КЛАРА. Разумеется. Не хотите ли сигарету?

ЕВА. Немецкие женщины не курят.

КЛАРА. Чей же это окурок в пепельнице? Только не говорите мне, что курил этот милый мальчик. В его-то годы? И на службе? И с помадой на губах? Я думала, вы давно покончили с этим, даже в СС. Ну же, не заставляйте меня курить в одиночку!

ЕВА. Ну, разве что... Мне приходится быть очень осторожной. Мой друг не выносит запаха.

КЛАРА. Забавно.

ЕВА. Почему?

КЛАРА. Мой друг хочет, чтобы от меня пахло всегда.

ЕВА. Чем?

КЛАРА. Духами, телом, чем-нибудь терпким. Он очень страстный – правда, хватает его не надолго.

ЕВА (*явно ошеломлена*). Я... Я должна вас сфотографировать.

КЛАРА. Нет, прошу вас. Я ужасно выгляжу.

ЕВА. Вы выглядите превосходно.

КЛАРА. Но можно и лучше, гораздо лучше.

ЕВА (*сквозь зубы*). Не стоит так волноваться. Это важное событие, которое уже, наверное, не повторится. Я люблю фотографировать. А вы?

КЛАРА. Совсем не умею. Всё время режу людям головы. Давайте просто оставим всё нашей... Я имею в виду, ограничимся опытом.

¹ Дорогая (*итал.*)

² Очаровательная блондинка (*итал.*)

³ Сокровище (*итал.*)

⁴ Сестра (*итал.*)

ЕВА. Я люблю, когда что-то напоминает о прошлом.

КЛАРА. Для этого я хожу на исповедь. Правда, как только встаю на колени, тут же забываю половину того, о чём собиралась рассказать. Так уж я устроена.

ЕВА. У нас в Германии теперь есть своя церковь.

КЛАРА. У нас в Риме всегда была своя церковь.

ЕВА. Мой друг говорит, что с папой невозможно иметь дело.

КЛАРА. С Пачелли? Нет, нет. Его заботят только русские и станет ли он когда-нибудь святым, так что с ним нет никаких хлопот. И потом он... э-э-э... педераст.
(*Теребит себя за мочку уха.*)

ЕВА. Невероятно.

КЛАРА. Ещё бы. Вы ведь сажаете их в тюрьмы.

ЕВА. Разумеется.

КЛАРА. Удивительно, как вам удаётся сохранить армию.

ЕВА (*с фотоаппаратом*). Не двигайтесь.

КЛАРА. Нет, не надо. Тогда с другой стороны – так я выхожу лучше.

Вспышка – снимок сделан.

ЕВА. Вот и всё. Теперь снимите меня.

КЛАРА. Я же говорю. У меня руки как крюки.

ЕВА. В Германии отличные фотоаппараты. Просто нажмите на эту кнопочку, он всё сделает за вас.

КЛАРА. Но...

ЕВА. Я настаиваю. Вы должны. Кроме фотографий, у меня ничего нет. Без них я жила бы, словно на обратной стороне луны. Весь мир знает, что я здесь, но никто не знает, кто я. Да я и сама не знаю. Кто я. Никакой личной жизни. Мой друг обещает, когда закончится война, я поеду в Голливуд сниматься в кино о его жизни. Но мне скорее всего скажут, что мой рост слишком высок для роли. Роли! Какой роли? Я как рама, внутри которой пустота. Я смотрю запрещённые американские фильмы. Слушаю запрещённый американский джаз – так я чувствую себя непохожей на других женщин Германии. И чтобы совсем отличаться от них, я курю, пью, крашу губы, брею подмышки. Я составляю списки своих драгоценностей и делаю вид, что не замечаю охранников, которые приставлены следить за мной – уж они-то всегда знают, где я. Каждую ночь я принимаю величайшего человека на земле, и это восхитительно. Но под утро он уходит от меня, чтобы оказаться в своей постели до появления массажиста. Ещё я пыталась покончить с собой, уже трижды. Слуги прислуживают мне, а их жёны меня ненавидят и смеются у меня за спиной, потому что в Бергхофе мне нельзя даже распорядиться об ужине. Кормят там отвратительно. Мои родители озабоченно спрашивают: «Почему он не женится на тебе?» Я говорю, что их взгляды до смешного старомодны и брак с диктатором всё равно ни к чему его не обязывает. Но я тоже старомодна. Я устраиваю браки своих сестёр, даже их собак, насвистываю «Чай для двоих» с очевидным намёком, но мой друг говорит, что я фальшивлю. В конце концов я кричу, что он слишком верит в своё предназначение, что он слишком воздержан, что он женат на Германии, но мне всё так же больно слышать его слова: «После войны у каждой немецкой девушки будет муж». У меня нет даже того, что есть у моих сестёр, у любой другой толстозадой арийки, у любой баварской коровы. Знаете, какой самый счастливый день в моей жизни? Когда я стояла на вокзале и смотрела, как особый поезд увозит дочь одного английского лорда, ту самую, что застрелилась из-за... увозит её обратно в Англию, прежде чем нас обвинили бы в её убийстве по политическим мотивам. Во всех иностранных газетах появилось её изображение. И ни одного моего. Я пришла домой и достала все двадцать три альбома с фотографиями. Там я была. И все те важные люди, с которыми мне не позволяют встречаться. Чтобы

снять герцогиню Виндзорскую, мне пришлось встать на крышку унитаза. Вот если бы тогда у меня был пистолет! И только по фотографиям будущий мир узнает, кто я... кем я была... Прошу вас! (*Протягивает фотоаппарат КЛАРЕ.*)

КЛАРА. Конечно, та сага¹, если вы так просите. Просто нажать на кнопку? Где вы хотите встать?

ЕВА бродит по комнате в поисках места для снимка.

КЛАРА. А мне наплевать, что случится. У меня прекрасные комнаты наверху над его кабинетом, и глухой слуга, потому что мой друг очень громко кричит, когда... а после он обожает играть на скрипке. Он хорошо играет, не Хейфец, конечно, но для политика... Вы встанете здесь, сага? Не ругайте меня, если ничего не выйдет. Обещаете?

КЛАРА наводит фотоаппарат на ЕВУ. СОЛДАТ ввозит столик, на котором сервирован чай. КЛАРА вместе с фотоаппаратом резко оборачивается в сторону СОЛДАТА и нажимает спуск. Вспышка.

КЛАРА. О, господи, я же говорила! Простите. Однако же... (*СОЛДАТУ.*) Выйдет отличная ваша фотография. (*Глядя на сервированный столик.*) Madonna mia², будет кто-то ещё?

СОЛДАТ. Ещё, синьора?

КЛАРА (*польщённо*). Ого, синьора! Да, все эти пирожные, они кому?

ЕВА. Прошу прощения, я думала, вы захотите перекусить.

КЛАРА. Я могу позволить себе только немного хлеба с маслом. Ничего больше. Я не столь оптимистична, как вы.

ЕВА (*СОЛДАТУ*). Можете сделать снимок? Вот, нажмите здесь. Подождите. (*Садится и разливает чай.*) Молоко?

КЛАРА. Нет, спасибо.

ЕВА. Сахар?

КЛАРА. Нет.

ЕВА (*протягивая чашку КЛАРЕ*). Снимайте!

Вспышка – снимок сделан.

КЛАРА (*опрокидывает чашку с чаем себе на юбку*). Ehi. Diavolo!³

ЕВА. Какой ужас! Но пятен не останется. (*СОЛДАТУ.*) Принесите салфетку.

СОЛДАТ уходит.

КЛАРА (*вытираясь носовым платком*). Не стоит беспокоиться. Пустяки. Он ушёл? Какой послушный! Как маленький пёсик. Очень мило. Обожаю своего маленького пёсика. Дуче смеётся над ним, но мне кажется, он его тоже любит.

ЕВА. Я очень скучаю по своим терьерам. Стаси и Негусу. Они остались за городом. Мне едва удаётся их прокормить. Я всё время твержу, если мой друг вегетарианец, то кто-то же должен съедать его порцию мяса. Он их не любит. Говорит, они глупые. И не даёт себя с ними сфотографировать. Они очень боятся эту жуткую Блонди, его овчарку.

КЛАРА. Откуда в них эта страсть к большим собакам? Вот у Черчилля с Рузвельтом собаки совсем крошечные. У американца собака – Фалала, как её там? – лает, что целый хор, а сама точно муха.

¹ Моя дорогая, моя милая (*итал.*)

² Пресвятая Богородица (*итал.*)

³ Ах ты, чёрт! (*итал.*)

ЕВА. Убогие выродки! Разве они могут победить? Американцы не станут воевать до последнего, да и зачем им? А время англичан прошло. Они утратили все свои идеалы, а эта война – война идеалов.

Входит СОЛДАТ.

ЕВА. Благодарю вас. Уже всё в порядке. Красивые туфли.

КЛАРА. От Феррагамо.

ЕВА. Да? Мои тоже.

КЛАРА. Дуче ненавидит высокие каблуки. На каблуках я становлюсь выше его. Стоя, разумеется.

ЕВА. Неужели? Не хотите ли пирожных?

КЛАРА (*глядя на СОЛДАТА, который протягивает ей тарелку с бутербродом с маслом*).
Как трогательно с его стороны.

ЕВА. Прошу прощения, что не позаботилась об этом раньше.

КЛАРА. Сага, вы прекрасная хозяйка.

ЕВА. Мне так редко удаётся ею быть. Ещё чаю?

КЛАРА. Благодарю вас. (*С интересом смотрит на СОЛДАТА.*)

ЕВА (*СОЛДАТУ, резко*). Нам нужен кипятилок. О, ещё немного осталось. Хорошо, можете идти. Благодарю вас.

СОЛДАТ. Я буду за дверью, если понадобится вам, шефиня.

ЕВА. А если нет? (*Нет ответа.*) Благодарю вас.

СОЛДАТ уходит. Слышен щелчок замка.

КЛАРА. Он очень внимательный.

ЕВА. Да.

КЛАРА. И привлекательный.

ЕВА. Пожалуй.

КЛАРА. Сколько ему лет?

ЕВА. Не имену ни малейшего представления.

КЛАРА. Как чудесно жить в окружении молодых. Чудесно взрослеть и видеть, как мир становится моложе. Фотографии не меняются.

ЕВА. Они сохраняют то, во что можно верить. Ради чего можно пойти на жертвы.

КЛАРА. Вы разбираетесь в политике?

ЕВА. Женщина не должна ни в чём разбираться. Ей достаточно кое-что знать.

КЛАРА. Будь оно так, думаете, мы сидели бы здесь? Думаете, я не знаю, что этот милый заботливый мальчик делает за дверью? Он там, чтобы не дать нам выйти отсюда. Я права? Или вы думали, он там, чтобы нам никто не мешал? Ради всего святого! Чтобы приехать сюда, мне пришлось закатить не одну истерику – также, поди, как и вам, чтобы добиться позволения пригласить меня на чай, изображая английскую леди. Мы с дуче едем в разных вагонах, в гостинице живём на разных этажах, сюда меня привезли к чёрному ходу, точно булку хлеба, и заставили подняться на служебном лифте. Моя самая большая радость, знаете какая? Я одолжила дочери дуче, Эдде Чиано, бриллиантовый браслет, который ей совсем не идёт, для приёма сегодня вечером, куда нас с вами не звали. Думаете, вы первая леди Германии? *Perdonami*¹, я забыла, не только Германии. Вы хотите быть добродетельной, как Мэри Пичфорд в кино. Сага, вы – притча во языцех. Дуче женат на крестьянке, она родила ему шестерых детей, – или, может, пятерых – Эдда, говорят, малость смахивает на еврейку – но всё же... Теперь она только и знает что пичкать его едой, которую его желудок уже не в состоянии переварить. А я шлюха дуче, так меня и называют. Мне и дела нет. Я притча во языцех, но по крайней мере на устах у всех. Каждый месяц я раздаю бедным двести тысяч лир; они видят мои платья,

¹ Простите (*итал.*)

чувствуют запах духов, плюются, но деньги берут. Мои родственники и друзья хорошо устроены. Ко мне обращаются разные люди, считая, что я имею влияние на дуче, просят замолвить за них словечко. Я не суюсь. Если они получают что хотели, то благодарят, если же нет... какая разница? Я лежу на диване, смотрю в потолок или крашу ногти на ногах в разные цвета, или вырезаю портреты из киножурналов и наклеиваю в альбом. Лана Тернер, Джина Артур, Мира Лой. И жду дуче. Болтают, будто я превратила его в тряпку, будто в штанах у него ничего уже не осталось, но кто посмеет сказать об этом ему? Бывает, мы счастливы, бывает, ссоримся – мне смешно, что он всё время стоит, прикрывая руками яйца, от сглаза, от *malocchio*¹, словно боится, что в них ударит молния. Не смейтесь, сага, я видела вашего дружка в кинохронике – он стоит точно так же. И что он там скрывает? Проблему безработицы в Германии? Ха-ха-ха. Нет, сага, мы обе искали мужчин, а нашли политические режимы, призраков, рождённых миллионами голов. Видимо, нам придётся играть по их правилам. Бандиты, сага, вот они кто, все до единого, а бандитов интересуют только два типа женщин: мамочки и шлюхи. Особенно итальянских бандитов. А я тут как тут. Как на войне. Большие страны – это бандиты, а маленькие – шлюхи, и им лучше научиться вести себя соответственно. Если хотят остаться в живых. И нам с вами тоже. Есть что-нибудь выпить?

ЕВА. Ещё чаю?

КЛАРА. Не надо чаю, спасибо.

ЕВА выдвигает спрятанный в стене гигантский шкаф, сверху донизу уставленный бутылками.

ЕВА. Выберите сами.

КЛАРА. Ehi, ma che selezione! Oh, ma guarda,² уж и не помню, когда пила. *(Достаёт бутылку с омерзительного цвета французским ликёром.)* Ещё до войны.

ЕВА. Не вы же завоевали Францию.

КЛАРА. Не очень любезно так говорить, сага. Ваше здоровье! Да вы не пьёте! Вы не курите, вы не пьёте. О чём вы говорите на исповеди?

ЕВА. В Рейхе нет места церкви.

КЛАРА. Надеюсь, вашему другу хватает ума не разделять это мнение.

ЕВА. Это его мнение.

КЛАРА. Так пусть оно останется вашей семейной тайной. Он должен быть благодарен его святейшеству. Подписав конкордат с Ватиканом, его правительство впервые добилось уважения за границей. Ну да ладно. *(Замечает, как ЕВА бросается к бутылке.)* Составишь мне компанию.

ЕВА. Другой нет.

КЛАРА. Там, за дверью, есть один милый мальчик.

ЕВА. Не сейчас. Дай мне сигарету.

КЛАРА. Конечно. Я тебя развращаю. Вот увидишь, ты станешь порочной женщиной, как я. Если, конечно, уже не стала. *(Чокается своим бокалом.)* «Слепой и глухой проживёт сто лет». Сколько это всё будет тянуться?

ЕВА. Они вошли в зал заседаний пять минут назад.

КЛАРА. Да я о вашей дурацкой войне.

ЕВА. Ты хочешь сказать, нашей?

КЛАРА. Дуче не хотел войны. Никак не раньше следующего года.

ЕВА. Он и так выжидал достаточно долго.

КЛАРА. Он пытался уберечь вас от неё. Почему твой друг больше не слушает дуче?

ЕВА. Предназначение фюрера говорит громче.

¹ Сглаз, порча (*итал.*)

² Ух ты, какой выбор! Ишь ты (*итал.*)

КЛАРА. Перестань, сага. Ты же не на митинге. Ты со мной разговариваешь. Политики вспоминают о Предназначении, только когда совершают ошибки. Говорить о Предназначении – всё равно что о сексе. Одна пустая болтовня, которой никто не верит. Я скажу, почему он больше не слушает дуче. Потому что сам никогда не умолкает. На их прошлой встрече он говорил без остановки два с половиной часа. Дуче так вымотался, что порвал две струны на скрипке и бретельку у меня на лифчике... пока играл «Юмореску».

ЕВА. История знает времена, когда головокружение охватывает каждого бодрствующего мыслящего человека; в такие времена только лунатик может ступать уверенно. Мы живём в такое время, и Адольф Гитлер ведёт нас с уверенностью лунатика.

КЛАРА. Говоришь как пишешь.

ЕВА. Это уже написано. В книге. В его книге.

КЛАРА. Должна признаться, сага, она может и называется «Моя борьба», но для читателя сущая пытка. Я её так и не осилила. И дуче тоже.

ЕВА. Тогда ясно, почему он теперь такой недовольный. Хотя я не понимаю, на что ему жаловаться. Величайшая армия в мире только что одержала победу в величайшем сражении за всю историю человечества – под Киевом. Триста тысяч убитых. Какое участие в этом принял твой друг? Послал десять дивизий да пару ящиков яблок. И подписал: «Солнце Италии».

КЛАРА. Десять дивизий, которые могли бы решить для нас исход войны в Африке.

ЕВА. Что ты такая отсталая? Кто теперь ведёт колониальные войны? Уже лет сто как поздно. У нас отняли колонии в 1918 – так англичане скоро сами потеряют империю.

КЛАРА. А что останется, скупят американцы.

ЕВА. И торговать с ними будешь ты, стоя на пирсе в Неаполе. Надело мне слушать об американцах. Они не станут воевать, что бы им ни сулил мистер Рузвельт. Хватит с них сдать в аренду несколько старых эсминцев, с которыми они не знают что делать. Пусть снимают свои чудесные фильмы, даже если нам нельзя их смотреть. Кстати, у меня есть копия «Унесённых ветром». Хочешь, посмотрим сегодня вечером? Если переговоры не закончатся.

КЛАРА. О! *Via col vento*¹, божественно! Вивьен Ли. Дуче не объявит войну Америке. Там слишком много итальянцев. Его не поддержат.

ЕВА. Итальянцы в Америке нынче пытаются сойти за пуритан. Вам всё же придётся объявить войну, если объявим мы. Мы союзники, или ты забыла?

КЛАРА. Не трудно позабыть, если нас не ставят в известность о том, что происходит. Удивляюсь, что нам сообщили о России, пусть даже через полчаса после вторжения. Знаешь, что сделал дуче, услышав об этом? Позвонил жене – от меня, чего никогда не делал, он слишком щепетильный – и сказал: «Мама, – вот как он её называет, – Мама, – сказал он, – война проиграна».

ЕВА. Значит, вы проиграете её вместе с нами, если не вместо нас.

КЛАРА. Надеюсь, вы нам сообщите, когда решите сдаться.

ЕВА. Ты слышала о том, чтобы тень пережила солнечный свет?

КЛАРА. Не смей так говорить со мной!

ЕВА. Попробуй получить удовольствие, дорогая.

КЛАРА. Вот в чём беда у вас, у немцев. Всегда заходите слишком далеко, никогда не зная, как далеко нужно идти. Один немец – философ, два немца – митинг, три немца – мировая война. А когда другого не остаётся, вы начинаете всё заново.

ЕВА. Уж лучше так, чем один итальянец – тенор, два итальянца – опера, три итальянца – армия в отступлении. Ха-ха-ха. Что, не смешно? Плохо не иметь чувства юмора.

КЛАРА. Гораздо хуже жить там, где без него никак не обойтись.

¹ Унесённые ветром (*итал.*)

ЕВА. Слыхала, что говорят? У англичан появилось новое секретное оружие – итальянская армия. Ха-ха-ха.

КЛАРА. Что же он напал на Россию, а не на Англию? У него же самая большая армия в мире, чего он испугался, ноги промочить? Или он плохо знает историю? Не слышал про Наполеона?

ЕВА. Англия подождёт – вместе с крикетом и евреями. Об империи на востоке мы мечтали шестьсот лет.

КЛАРА. Из них последние сто ваши генералы видят кошмары о войне на двух фронтах.

ЕВА. На двух фронтах? А кто виноват, что теперь мы сражаемся на трёх? Ваше безумное вторжение в Грецию вынудило нас отправиться вам на помощь. Если кто и понесёт ответственность за поражение в войне, так это вы. Только одна страна может позволить себе сражаться на трёх фронтах.

КЛАРА. И эта страна...

ЕВА. Швейцария. За полтора года, нет, за год наша армия смела Западную Европу в океан, а что сделали вы? Да, вы объявили войну – как стервятник объявляет войну дохлой зебре. Вы без спросу ввязались в какую-то идиотскую колониальную авантюру, и раз мы дали вам слово, нам пришлось вмешаться, чтобы вы не выглядели дураками.

КЛАРА. А вы даже не заикнулись о вторжении в Румынию; даже не сообщили о вторжении во Францию. Не сказали ни слова, когда вторглись в Польшу. Я из газет получал больше сведений, чем от ваших послов. В чём дело? Ты больше не веришь мне? Вот я и решил: «Пусть почувствуют себя в моей шкуре!»

ЕВА. Как это по-женски.

КЛАРА. Когда ты вошёл в Австрию, я не вмешивался, хотя мне пришлось нарушить слово, данное пять лет назад. Тогда ты любил меня. Говорил: «Я никогда, никогда, никогда тебя не оставлю. Я пройду с тобой огонь и воду, что бы ни случилось. Буду рядом, даже если весь мир обернётся против нас».

ЕВА. Я так сказал?

КЛАРА. По-твоему, я всё выдумал?

ЕВА. На это ты способен. Лучше б мы никогда не встречались.

КЛАРА. Без меня ты прослыл бы полным идиотом. Я твой пропуск в мир уважаемых людей. Я правил итальянским народом одиннадцать лет; я был самым почитаемым политиком в Европе; я мог добиться всего. Поезда и те стали ходить по...

ЕВА. Да, ты не раз говорил.

КЛАРА. Мною все восхищались. Лорд Ротермер сравнил меня с Наполеоном. Даже в 1939 году манчестерская «Гардиан» назвала меня величайшим государственным деятелем современности. Банкиры, кардиналы, архиепископ Чикагский, Фьорелло Ла-Гардия, фон Папен, Бриан, Пуччини – все меня прославляли. Уинстон Черчилль сказал: «Если бы я был итальянцем, я бы надел чёрную рубашку».

ЕВА. В своё время он вполне мог надеть её и в Англии.

КЛАРА. Даже ты попросил у меня фотографию с автографом.

ЕВА. Которую ты не прислал. В ненадёжном мире единственное, на что можно рассчитывать, – это ненадёжность итальянцев. Фотография, если бы ты её прислал, висела бы сейчас в комнате прислуги... как предостережение. Я хочу курить.

КЛАРА. Угощайся, чего церемониться. Вы всё портите. Когда я впервые увидел тебя на вокзале, то подумал: «Поглядите-ка на этот кошмарный жёлтый плащ, на эту фетровую шляпу в руках. Вид как у водопроводчика». Я подумал: «Я, наверное, должен быть рад, что кто-то совершил революцию в наших рядах, но они немцы и могут только разрушать». Так и вышло. Фашизм не пригоден для экспорта. Точки зрения плохо распространяются по свету. Вы всегда были гуннами, лютеранами, врагами Рима, и такими вы и останетесь. Вы всё губите, а потом вините нас за то,

что мы превыше всего ценим идею. Посмотри-ка сюда. (Указывая на одну из архитектурных моделей.) Что это будет?

ЕВА. Триумфальная арка на Унтер ден Линден.

КЛАРА. На ней можно и сэкономить. Даже это вы переняли от нас. Никогда не был на вокзале в Милане? Пусть выглядит, как общественный туалет. Почему ты не напал на Англию? Чёртов народ: позвать на коронацию Хайля Селассие, а меня нет. Расползлись по всей Италии, как сыпь. Безмозглые старухи подкармливают кошек, а педики со своими титулованными кузенами соблазняют официантов. Ты бывал в сентябре в Венеции? Куда ни глянь, всюду скучающие мальчишки нашёптывают, как попугай: «Amore, amore, amore», и кучи твида так и ходят вверх-вниз, вверх-вниз. И всё бы ничего, да только до середины октября невозможно найти гондолу.

ЕВА. Англия и Германия – прирождённые союзники. Не понимаю, почему нам пришлось с ними воевать. И эти их дурацкие обязательства перед Польшей – откуда мы могли знать, что они не отступятся от них, как отступились от Праги? Сохрани мы ось «Глазго – Берлин – Неаполь», никто бы и пикнуть не посмел. Три нации, соединённых клятвой разогнать орды большевиков и их еврейских вождей. По крайней мере в этом мы с Черчиллем сходимся.

КЛАРА. Уже нет.

ЕВА. Нет? А чем он может помочь Сталину? Он будет только рад избавиться от этой обузы. Этих сонных фарисеев-англичан не разбудишь ничем, кроме грубой силы. Оставь их в покое, и всё, что их будет возмущать, – это беспорядки в парламенте, продажная полиция да злоупотребления в министерстве иностранных дел.

КЛАРА. Одного они не прощают – когда их пытаются запугать. Вот ты их запугал. А я не допустил этой ошибки.

ЕВА. Ты если кого и запугал, то только по ошибке. Я занял Вену, Прагу, Осло, даже Париж, не разбив ни единого окна, а ты... Вообразил себя императором и начал вышибать бомбами разноцветное дерьмо из кучки волосатых абиссинцев. А кучка волосатых интернационалистов из Женевы ввела санкции против тебя, так что я единственный, кто до сих пор с тобой разговаривает.

КЛАРА. *Mamma mia*¹, и как разговаривает!

ЕВА. Жаль только, слушаешь ты невнимательно.

КЛАРА. Зато другие тебя всегда слушали. Я же следил за твоими поступками. В политике ты был простаком. Вы называли себя социалистами, партией рабочих, а потом разогнали профсоюзы. Ты и в самом деле лунатик. Ты не имел ни малейшего понятия, как прийти к власти, ни малейшего понятия, как справиться с экономическим кризисом.

ЕВА. Я знал, кем стану. Фон Папен и остальные считали меня своим узником, полезным орудием в борьбе против пошатнувшейся Веймарской республики. Их заговоры и привели меня к власти. Несмотря на то что упадок, который меня возвысил, закончился прежде, чем я стал во главе государства, все решили, что это моя заслуга. Если крестьянин решит отрастить ноготь на мизинце и в тот же день найдёт в поле кусок золота, он быстро смекнёт что к чему. Так рождаются боги. И уже никто не мог меня остановить. Какие силы могли меня сбросить? Я пришёл к власти законным путём. Я победил на всенародных выборах, и только следующие всенародные выборы могли меня сместить. Германия снова стала сильной державой, и ей должны были найти место на карте Европы, если не хотели, чтоб это место заняла Советская Россия. Я и ты, приятель, были и остаёмся последним бастионом на пути еврейско-татарских варваров, орды Чингисхана. Только антисемит истинный антикоммунист. Разве я хотел войны? Я перевооружался. Но так поступали все. По-твоему, оружие приводит к войне? В Мюнхене я дал

¹ Мамочки! (итал.)

автограф одному старику под зонтиком. Кто спровоцировал Австрийский кризис? Австрийцы. Кто затеял раздел Чехословакии? Англичане. Им не терпелось уговорить Польшу пойти на уступки, чтобы обуздать меня. Они победили в Великой войне. Так пусть увидят, как я стану победителем в величайшей.

КЛАРА. Шлюхи и бандиты, шлюхи, и бандиты, и шлюхи... Твоё здоровье!

ЕВА. По чьей вине Германия стала шлюхой? По вине версальских предателей.

КЛАРА. Версаль, Версаль, Версаль, надоело говорить про Версаль. Всё равно что списывать отсутствие характера на несчастливое детство. Знаешь кого-нибудь, у кого было счастливое детство? Последствия ужасны.

ЕВА. Тебе ли жаловаться? Ты был с победителями.

КЛАРА. В тот раз да.

ЕВА. Думаешь переметнуться? Германия стала шлюхой, была готова раздвигать ноги под каждым, кто накормил бы её вдоволь. А Италия была просто-напросто стареющей графиней, разливающей лимонад прислуге. Как сын Германии...

КЛАРА. ...приёмный.

ЕВА. Как сын Великой Германии, я поклялся, что никто и никогда не назовёт мою мать шлюхой. Я добьюсь к ней уважения. Все средства будут хороши. Меня ошкивали, меня освистывали, но я дал им работу, а значит, и хлеб. Ну-ка, посвисти с набитым ртом! Национал-социалистическое движение выражало национальный протест государству, отказывающему рабочим в праве на труд, и в один миг я стал рупором немецкого народа. Сперва жратва, потом нравственность, как сказал один драматург-коммунист. Даже сломанные часы два раза в день показывают точное время. Я привил им мораль, которую они в состоянии понять. Они бы и сами додумались до неё, если бы чавкали потише.

КЛАРА. Решать, чем занять людские умы, я предоставляю церкви.

ЕВА. В Италии церковь правит моралью. В Германии правит государство, по принципам морали. Единственная беспрюирышная система – система строгого применения морали, и как любой ходовой товар, мораль должна удовлетворять большинству предрассудков, которые уже есть у большинства людей. Многие предпочтут возрождение былой славы тем жертвам, которые требует поиск новой. Бисмарк сделал Германию великой – я вернул ей величие. И раз уж народ Германии никак не мог поверить, что сам допустил столь низкое падение своей страны, я сделал ему подарок: подарил ему евреев.

КЛАРА. Ahi, Madonna, опять началось!

ЕВА. Было бы неплохо и тебе последовать моему примеру.

КЛАРА. Я пытался, но никто не принимал это всерьёз. Я делал, как ты велел, все только смеялись: «Арийская кровь – пролетарская любовь». Ха-ха-ха. Как ты там говорил? Спустить с них штаны и посмотреть, есть ли у них... э-э-э... чик-чик? Они в самом деле пахнут?

ЕВА. Они могут скрываться под любой личиной, и видит бог, я не отличил бы их от итальянцев. Но я заставил их отвечать за всё зло, которому немцы не должны быть причастны: за Версаль, за большевиков, за американский капитализм и за войну. Каждая раса чувствует своё превосходство – детские предрассудки окружают нас, как крепость. Перед чем превосходство? Перед кем? Перед теми, кто не разделяет наши предрассудки – перед любителями свободы, перед цыганами, что несут мимо свои нехитрые пожитки, растаскивая по свету грязь. Как им завидуют, ах, как же им завидуют! Ведь они воплощают желания и мечты каждого – стать свободным от ответственности. Поэтому евреи, сага, мои лучшие союзники.

КЛАРА. Так зачем от них избавляться?

ЕВА. Они козлы отпущения. На них лежат грехи нации, с которыми они отправятся в пустыню. И даже самые либеральные умы, у которых ещё осталась совесть, едва ли

им посочувствуют. Нет, Liebchen¹, не будь евреев, народ обернулся бы против меня, так же как итальянцы обернутся против тебя. А с ними нация мне потворствует. Не могу настаивать на евреях, но всё же советую тебе найти какое-нибудь меньшинство, без разницы какой расы или веры. Самое позднее – до Рождества.

КЛАРА (*с надеждой*). Красный Крест?

ЕВА. Кто-то должен отвечать за то, что ты творишь в Африке. Мне бы не хотелось думать, что ты готов ответить сам.

КЛАРА. А что будет, когда евреев не останется?

ЕВА. Их хватит до конца войны. Тогда и восторжествует всё немецкое. И потом, всегда можно приняться за русских.

КЛАРА. Лучше бы я не приезжала. Чёрт, и в бутылке пусто. Что ещё есть?

ЕВА. Тебе хватит.

КЛАРА. Не жадничай. У тебя там много. (*У шкафа.*) Раз, два, три, четыре, пять, я иду... Кстати, что будет с черномазыми, когда ты станешь королевой Америки? (*Достаёт бутылку.*) Ahì, guarda, восхитительно!

ЕВА. Всё очень просто. Людям всегда чего-то не хватает – то денег, то секса. Убеди их, что черномазые представляют угрозу для экономики и общества, и предоставь разбираться самим. Только не забывай подбадривать.

КЛАРА (*поднимает тост*). Salute, I negri. Salute, gli ebrei². Salute, пизда. Музыка нет?

ЕВА. Есть свежая кинохроника. Не хочешь посмотреть?

КЛАРА. Очень сомневаюсь. Почему ты никак не женишься?

ЕВА. На свете только одна женщина достойна меня – Винифред Вагнер. Брак с ней стал бы делом всенародным.

КЛАРА. Скорее альпинистской экспедицией. Мне казалось, она замужем за Тосканини.

ЕВА. Тосканини? Тосканини отказался руководить оркестром в Байройте. И очень меня расстроил.

КЛАРА. Видишь? Говорю же тебе, ты всё портишь. По мне, Тосканини был кандидатом в фашисты. Правда. Ещё в 1919-м. По крайней мере, когда он поднимает правую руку, ты знаешь, что он будет руководить. Хотя бы оркестром. Ха-ха. Давай, женись на ней. «Achtung, achtung, говорят все радиостанции Великой Германии. Сегодня наши славные войска перешли в наступление и достигли вершины левого соска синьоры Вагнер, и теперь её левая грудь целиком находится в руках Германии. Следите за дальнейшими сообщениями из генерального штаба фюрера. Пам-пам-па-пам». Музыка. Музыка. (*Включает телевизор. Звучит марш.*) Oh, Dio³, бум-бум-бум. Никто и не вспомнит, что австрийцы придумали вальс.

На экране появляются кадры кинохроники.

КЛАРА. Ehi, ma che s'è?⁴ Santa Madonna. (*Крестясь.*) Маленький кинематограф.

ЕВА. Телевизор. После войны такой будет в каждом немецком доме.

КЛАРА. После войны у немцев не останется домов. Ehi, глянь, passo romano⁵, гусиным шагом. Ещё один твой подарок. Угораздило же меня его принять. Когда всё изменилось? Когда ты приехал ко мне в первый раз, я выкрасил все фасады домов от границы до самого Рима. Я смотрел на твой кортеж, на тебя, на щеках у тебя были румяна, а на воротнике перхоть. «Вот придурок», – подумал я. Через два года я приехал к тебе и увидел всё, чего ты достиг, увидел твою деловитость, самоотверженность, непреклонность, и решил для себя: «Это уже не моя

¹ Милая, дорогая (*нем.*)

² Ваше здоровье, негры. Ваше здоровье, евреи (*итал.*)

³ О, господи (*итал.*)

⁴ Это ещё что? (*итал.*)

⁵ Римляне маршируют (*итал.*)

революция. Подмастерье колдуна стащил волшебную книгу». Все вокруг твердили, какой я симпатичный, какой значительный, но я чувствовал себя только вторым, как женщина. Маршал Геринг показывал мне электропоезда, которыми управляют карлики, твои генералы благоговели передо мной – должно быть, выполняли приказ – а в Майфельде сотни тысяч людей, стоя под проливным дождём, слушали мою речь: «Если у фашизма появится друг, они пройдут вместе до конца». Это был триумф, но триумф женщины. Повторять за мужчиной – в природе женщины, и, вернувшись домой, я, как женщина, стал повторять за тобой. Первое что я сделал – заставил итальянскую армию маршировать гусиным шагом. Я объявил его твёрдым, безжалостным маршем легионеров, маршем завоевателей. Но выглядит он нелепо.

ЕВА. Маршировать надо как следует, тогда этот шаг само совершенство: ритмичный, громкий, угрожающий и трудновыполнимый. Что ещё нужно полководцу?

КЛАРА. Трудновыполнимый? *Maschè!* Любой справится. Гляди. *(Пытается изобразить гусиный шаг, но спотыкается на высоких каблуках и падает на пол.)* Ой, я упала. Я падшая женщина. Ха-ха-ха.

ЕВА *(пытаясь её поднять)*. Вставай сейчас же!

КЛАРА. Отстань от меня. Ты меня больше не любишь.

ЕВА. Люблю. И чтобы доказать это, мне пришлось наделать уйму глупостей.

КЛАРА. Вот, ты меня презираешь. Я отдал тебе лучшие годы жизни, а теперь погляди на меня. Мы оба хотели стать бандитами, сколотили крепкие банды. Бах-бах-бах! Всё шло ничего, пока мы оставались на родных улицах. Полиция знала, где нас искать, потому и не трогала. Но быть большим бандитом – значит вести большую войну. Тут-то и начинаются все беды. Чем больше становишься ты, тем больше становится война. В конце концов всегда побеждает полиция, а тебе приходится снова становиться шлюхой. Нам надо сделать всё возможное, *saго il mio* фюрер, чтобы этого избежать... Но мы не сможем.

ЕВА *(в то время как телевидение транслирует речь Гитлера)*.

Нас в шлюху превращает поражение;
Верни величие – вернётся уважение.
Восславит мудрость нашу и размах
И чернь, и знать, и римский патриарх.
Весь мир в железо будет облачён:
Я сам евангелие, сам я и закон.
Даёт мне силы звонкое, как сталь,
Единое мильонное «Зиг хайль!»
Я вижу с триумфальной колесницы
Трёх континентов красные зарницы.
Штандарты гордецов сотрём до дыр:
Сегодня – Дойчланд, завтра – целый мир!
Европа лезет в рабство с головой –
Ей на коленях ползать не впервой.
Толпа – как баба: верит только силе,
Ей слов не надо – подавай мессию.
Дремавший до поры огонь той веры
Я вздую в обожание без меры.
Им нужно крови; похотливый глаз
Алкает зрелищ: удобряя грязь
Своею кровью, корчится еврей;
Сосед соседа вздёрнет у дверей.
Стоит толпа в немом благоговенье:
Где был закон, там правит преступленье.

И честь, и совесть лучше позабыть.
Не задавай вопросов – будешь жить.
Ничто не свято, кроме зла, отныне –
Моё тому святому будет имя.

КЛАРА. Чушь.

Выплёскивает содержимое бокала в телевизор – он тут же гаснет.

ЕВА. Ты что сказала? Ты что наделала? Ты испортила телевизор. Это подарок ко дню рождения. Единственный во всей Германии.

КЛАРА. Таким он и остался. Просто сломан, вот и всё.

ЕВА. Они были со мной. Я чувствовал их. Каждого из них.

КЛАРА. Знаешь, какая рыба всегда плывёт по течению? Дохлая. Когда Пифагор изобрёл свою теорию, он из благодарности принёс в жертву богам сто быков. С тех пор быкам лучше держаться подальше от тех, кому вздумается открыть великую истину.

ЕВА. Тот, кто кормит льва, должен ему подчиняться. Прошлое предстаёт так ясно, как шумная, освещённая огнём кавалькада. Такая-то причина порождает такое-то следствие. Мельничное колесо вертится, не вспенивая одну и ту же воду дважды. А настоящее? А будущее? Я как путник с фонарём за спиной – указываю путь тем, кто идёт за мной, но сам не разбираю дороги, только знаю, что она впереди. Всё, что я совершил, я совершил не путём долгих раздумий, но подчиняясь воле случая. Единственный урок, который даёт нам история, – как приспособить её к нашим нуждам. Неужели мы проиграем войну? Как можно? Это будет трагедия.

КЛАРА. Если хочешь стать героем войны, тебе лучше не дожидаться её конца.

ЕВА. Победителей объявляют героями, побеждённых – мучениками. Те же, кто сохранял нейтралитет, они... ничто. Таких никто не любит. Когда всё закончится, я думал уехать в Линц, ухаживать за садом, гулять с собаками, раздавать автографы, слушать радио, которое станет сообщать мне о ваших непрекращающихся успешных бомбардировках Мальты...

КЛАРА. Сука.

ЕВА. ...но правду легче скрыть, чем действительность. Правда – цель покрупнее, не промахнёшься. А действительность? Точно игольное ушко. Меняется каждую секунду, выставляя нас ходячей насмешкой над тем, чем мы должны были стать.

КЛАРА. Хватит причитать. Распустил нюни.

ЕВА. Соверши достаточно большую ошибку, и рано или поздно кто-то отыщет ей оправдание. Соверши множество больших ошибок и рано или поздно станешь зачинателем религиозного возрождения. Ты говоришь, посмотри на Наполеона. Сам посмотри. Я стоял у его могилы в Доме инвалидов, у этого куска гранита цвета блевотины и весом полторы тысячи тонн. Стоял и удивлялся, что сподобило французов воздвигнуть памятник человеку, который вытянул из них все силы, да так, что даже сто лет спустя я пробил их оборону, словно перемахнул через забор. Я подумал: реликвии, напоминающие о былой славе, – вот что нужно людям. Все хотят быть детьми богатых родителей. Реликвии. Ты, пожалуй, взял бы хорошую цену, если бы пустил его член с молотка. Если бы нашёл, разумеется. Интересно, он у него... э-э-э... то есть... большой...

КЛАРА. Очень...

ЕВА. Ну...

КЛАРА. Очень интересный вопрос.

ЕВА. А-а... *(Пауза.)* Küß' mich, mein Duce¹.

КЛАРА скидывает каблук.

¹ Поцелуй меня, мой дуче *(нем.)*

КЛАРА. *Vaciami, il mio Führer*¹.

Долгий поцелуй. Раздаётся стук в дверь – его не замечают. Стук повторяется. Входит СОЛДАТ. Увидев происходящее, тут же исчезает за дверью. ЕВА и КЛАРА, услышав, как закрылась дверь, продолжают обниматься.

КЛАРА. Кто это?

ЕВА. Какая разница?

Стук в дверь.

ЕВА. *Ach, verdammt nochmal*². *(Отскакивает от КЛАРЫ и кричит.)* Herein!

ЕВА и КЛАРА *(вместе)*. Как знать?

Открывается дверь. Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же сцена, что и в конце первого действия, но СОЛДАТ стоит перед закрытой дверью.

СОЛДАТ. Могу я убрать, шефиня?

ЕВА. Да, пожалуйста.

СОЛДАТ начинает убирать. Обе женщины следят за ним, точно кошки. ЕВА напевает какую-то мелодию. Чувствуя спиной их взгляд, он останавливается и оборачивается.

ЕВА. Бокалы оставь.

СОЛДАТ вновь принимается за уборку. Женщины, глянув друг на друга и улыбнувшись, кивают головой, обходят его с обеих сторон и садятся. Смотрят. Он нервничает всё больше и больше. ЕВА берёт сигарету. Он зажигает спичку. В это время КЛАРА тоже берёт сигарету.

ЕВА. Сначала гостье.

СОЛДАТ. Прошу прощения.

Даёт КЛАРЕ прикурить и гасит спичку.

СОЛДАТ. Прошу прощения.

Зажигает другую спичку для ЕВЫ.

ЕВА. У тебя руки дрожат.

СОЛДАТ. Прошу прощения.

ЕВА. Ничего.

СОЛДАТ. *Hat Frau Chefin sonst noch einen Wunsch?*³

ЕВА, улыбнувшись и ничего не ответив, отворачивается. СОЛДАТ берётся за столик, чтобы увезти.

ЕВА. Минутку. Кто разрешил тебе уйти?

СОЛДАТ. Прошу прощения. Я подумал...

ЕВА. Хватит вечно просить прощения. Не то мы подумаем, ты что-то натворил. Ты что-то натворил?

СОЛДАТ. Надеюсь, нет.

ЕВА. Я тоже надеюсь, милый.

СОЛДАТ. Могу ли я ещё что-то...

ЕВА. Посмотрим. *(КЛАРЕ.)* *Nicht wahr, Schatzi?*⁴

¹ Поцелуй меня, мой фюрер *(итал.)*

² А, чёрт побери! *(нем.)*

³ Не желает ли фрау шефиня что-то ещё? *(нем.)*

⁴ Не правда ли, моё сокровище? *(нем.)*

КЛАРА. Ssssssi, tesoro.¹ (СОЛДАТУ.) Подойди. О, у тебя голубые глаза.
СОЛДАТ. Да, синьора.
КЛАРА. Необычно. Красиво.
СОЛДАТ. Э-э... благодарю вас.
КЛАРА. Он покраснел. Ehi. (Треплет его по щеке.) Cherubino.²
СОЛДАТ. Благодарю вас, синьора.
КЛАРА. Ты знаешь, что значит cherubino?
СОЛДАТ. Нет, синьора.
КЛАРА. За что же тогда благодаришь?
СОЛДАТ. Я принял это за комплимент. Мне можно идти?
ЕВА. Нельзя. Что ты здесь делаешь?
СОЛДАТ. Помогаю фрау шефине и её гостье.
ЕВА. Тогда сядь.
СОЛДАТ. Но моё место не...
ЕВА. Правильно. Здесь моё место. И я прошу тебя сесть. Вот. (Ногой толкает к нему стул. Стул падает.)
СОЛДАТ. Благодарю вас. (Садится, держа спину очень прямо.)
ЕВА. Сигарету?
СОЛДАТ. Спасибо, я не курю.
ЕВА. Почему?
СОЛДАТ. Фюрер говорит, это опасно.
ЕВА. Потом прополощешь горло. Я всегда так делаю.
СОЛДАТ. Хорошо.
Берёт сигарету. ЕВА чиркает спичкой.
СОЛДАТ. Благодарю.
КЛАРА. Ты куришь, как девочка на первой вечеринке. Сага, налей ей выпить.
СОЛДАТ. Нет, я...
ЕВА. Я знаю, что фюрер не пьёт. Но он не против, если пьют другие. Чего бы ты хотел?
СОЛДАТ. Может быть, пива.
ЕВА. Конечно. Сию секунду. (Наливает ему полный бокал ликёра ядовитого цвета.) Вот.
СОЛДАТ. Благодарю вас. (Осторожно делает глоток.)
КЛАРА. Не нравится?
СОЛДАТ. Очень вкусно.
ЕВА. Как думаешь, я напилась?
СОЛДАТ. Разумеется, нет, фрау шефиня.
ЕВА. Попробуем снова. Как думаешь, я напилась?
СОЛДАТ. Мне кажется, фрау шефиня выпила.
ЕВА. Кажется! Ты же видишь, что я напилась. Вопрос не в этом.
СОЛДАТ. Раз я должен так ответить, то да, вижу.
ЕВА. Тебя удивил мой вопрос? Таких не задают в нормальном состоянии?
СОЛДАТ. Наверное, нет.
ЕВА. Наверное! Если вопрос вызывает удивление, значит он не соответствует нормальному состоянию. Я права?
СОЛДАТ. Разумеется, фрау шефиня.
ЕВА. Выходит, я не в нормальном состоянии.
СОЛДАТ. Очевидно, фрау шефиня желает посмеяться.
КЛАРА. Над тобой.
СОЛДАТ. Я немного смущён.

¹ Да, сокровище (итал.)

² Херувим (итал.)

ЕВА. Сейчас я тебе всё объясню. Если мой вопрос не обычный, и я таким образом в ненормальном состоянии, это, возможно, потому, что я напилась.

СОЛДАТ. Это одно объяснение.

ЕВА. У тебя есть другое?

СОЛДАТ. Нет, фрау шефиня.

ЕВА. Для девочки твоих лет ты не очень-то разговорчив.

Никто не обращает внимания на «девочку».

КЛАРА. Мы должны получить ответы на все вопросы. Будем вытаскивать клещами.

СОЛДАТ. Понравился ли вам чай?

Женщины хохочут.

ЕВА. Сам-то пил?

СОЛДАТ. Я был в столовой.

ЕВА. Не уверена, что там хорошо кормят.

СОЛДАТ. Кормят достаточно.

КЛАРА. Где ты живёшь?

СОЛДАТ. Недалеко.

ЕВА. Один?

СОЛДАТ. Мы снимаем квартиру с подругой, возле завода «Сименс».

КЛАРА. Налёты тебя не пугают?

СОЛДАТ. Пока не очень.

ЕВА. Оставайся с нами. Мы за тобой присмотрим.

КЛАРА. Чёрный тебе к лицу.

СОЛДАТ. Моя подруга говорит, чёрный цвет идёт всем.

КЛАРА (*разглаживая свой чёрный как смоль костюм*). Да-а-а.

СОЛДАТ. Я хочу встретить девушку, которая следит за собой. С чувством собственного достоинства. Еврейские девушки, как только выйдут замуж, словно с цепи срываются.

КЛАРА. Ты не женат?

СОЛДАТ. Ещё нет.

ЕВА. Но ты и не еврей, нет?

СОЛДАТ. Ещё нет. То есть нет.

КЛАРА. Терпеть не могу евреев и газеты.

СОЛДАТ. Что плохого в газетах?

КЛАРА. А что плохого в евреях? Ха-ха-ха. Попался.

СОЛДАТ смеётся. ЕВА сидит с каменным лицом.

ЕВА. Это смешно?

СОЛДАТ. Я знаю ещё одну. Как умный немецкий еврей разговаривает с глупым немецким евреем?

ЕВА. Как?

СОЛДАТ. По телефону. Из Нью-Йорка.

Мёртвая тишина.

КЛАРА. Тебе говорили, что у тебя красивые глаза?

СОЛДАТ. Да.

ЕВА. Ты в самом деле не голоден?

СОЛДАТ. В самом деле.

ЕВА. Давай. Съешь что-нибудь. Набирайся сил для войны. Мы что-нибудь съедим, что-нибудь выпьем, потанцуем разок-другой, а там посмотрим. Съешь эклер. Это разбудит твоё воображение. Кусай. Вот.

СОЛДАТ. Вы очень добры. Вы здесь живёте?

ЕВА. Пока да.

СОЛДАТ. Одна?

ЕВА. С другом... *(В сторону.)* Забудь о нём. Держись меня, и ничего с тобой не случится.

СОЛДАТ. Очень необычная. Эта комната.

ЕВА. Мне нравится.

СОЛДАТ. Ну да... она очень красивая и очень... необычная. *(Указывая на одну из моделей.)* Что это?

ЕВА. Триумфальная арка. После войны войска фюрера пройдут под ней на параде победы.

СОЛДАТ. Моя подруга говорит, если русских разобьют...

ЕВА. Что значит «если»?

СОЛДАТ. То есть когда разобьют, ни один немец больше не будет мести улицы и вывозить мусор.

КЛАРА. А итальянцы?

СОЛДАТ. Итальянцы ведь не похожи на нас. Здесь жарко.

ЕВА. Сними пиджак. Давай я тебе помогу. Так лучше?

СОЛДАТ. Ммммм.

Его взгляд тут же становится рассеянным, ему трудно сосредоточиться. КЛАРА ставит пластинку.

СОЛДАТ. Красивая музыка. Американская?

ЕВА. Кажется, да.

СОЛДАТ. Я думал, сейчас нельзя слушать американскую музыку.

ЕВА. Просто надо иметь хорошие связи. Хочешь потанцевать?

СОЛДАТ. Я?

ЕВА. Кто же ещё?

СОЛДАТ. Но...

ЕВА. Потанцуй со мной, если не хочешь расстроить дело.

СОЛДАТ. Боюсь, я много выпил.

ЕВА. Ничего. Повторяй за мной.

Они танцуют, не очень близко друг к другу.

ЕВА. Нет, дай я поведу. О чём ты задумался?

СОЛДАТ. Ваш друг очень привлекателен, вы не находите?

ЕВА. Никогда не замечала.

СОЛДАТ. Не очень похож на немца.

ЕВА. Потому он такой особенный?

СОЛДАТ. Да, наверное... то есть конечно. Настоящий сердцеед. Вы с ним давно знакомы?

ЕВА. Не думай об этом. Ты опять ведёшь. Дай мне повести один круг.

СОЛДАТ. Простите.

КЛАРА. Было время, ты счёл бы за великую честь танцевать со мной.

Она включает звук на полную громкость и танцует неистовый сольный танец. СОЛДАТ смеётся.

ЕВА. Прекрати строить из себя идиотку и убавь звук!

Резко выключает проигрыватель. КЛАРА останавливается в недоумении.

СОЛДАТ *(ослабляет галстук и растёгивает воротник)*. Я сяду. Немного кружится голова.

ЕВА. Расстегни рубашку. *(Расстёгивает несколько пуговиц.)* Помаша немного. Так легче?

СОЛДАТ. Прохла-а-да.

ЕВА и КЛАРА снимают с него ботинки.

ЕВА. Ты очень красивая девочка. Кто ты?
СОЛДАТ. Очень красивая девочка. *(Хихикает.)*
КЛАРА. У тебя есть кто-нибудь?
СОЛДАТ. Был. Больше нет.
КЛАРА. Поссорились?
СОЛДАТ. Убили.
КЛАРА. Бедняжка.
ЕВА. Грустишь?
СОЛДАТ. Немного. Во время налёта.
КЛАРА. Всё ещё сохнешь по нему?
СОЛДАТ. Кажется.
ЕВА. Не слишком ли часто тебе кажется?
СОЛДАТ. Я не знаю... *(Хнычет.)* Я хочу домой.
ЕВА. Рано. Тебе грустно. Выпей ещё.

ЕВА растёгивает ему ремень. КЛАРА массирует стопы.

СОЛДАТ.

Die Fahne hoch, die Reihen dicht geschlossen,
SA marschirt mit mutig festem Schritt:
Kameraden, die Rotfront und Reaktion erschossen,
Marschieren in Geist in unseren Reihen mit.
Бах-бах!

Смеётся. КЛАРА вливает ему в рот ещё один бокал алкоголя.

Zum letzten Mal wird zum appell geblasen;
Zum Kampfe steh'n wir alle schon bereit;
Bald flattern Hitlerfahnen über allen Strassen.
Die Knechtschaft dauert nur noch kurze Zeit.¹

ЕВА. Какая нежная кожа. Мне нравятся девочки с нежной кожей...

СОЛДАТ продолжает напевать песню, женщины тихонько начинают подпевать. ЕВА запускает ладонь ему за пояс брюк. СОЛДАТ резко вскакивает.

СОЛДАТ. Господи, что, чёрт возьми, здесь происходит?

КЛАРА. Опять сорвалось.

ЕВА. А что такое?

СОЛДАТ. Что вы делаете?

ЕВА. Не строй из себя невинность. Думаешь, зачем тебя сюда позвали? Разговаривать? Восхищаться твоим остроумием и глубиной мысли? Всё это я найду, когда захочу. И даже если не найду, то уж точно не стану посылать за тобой, безмозглый маленький *ousvorf*². Да ты за грош готов перепихнуться ночью под мостом.

СОЛДАТ. Не понимаю, как так получилось. Я не...

ЕВА. Что-то я не заметила, чтобы ты был против хорошо провести время. *(КЛАРЕ.)* А ты?

КЛАРА. Не-а.

¹ Знамёна подняты высоко, ряды сомкнуты –
Штурмовой отряд марширует твёрдым шагом.
Души товарищей, убитых красными и реакционерами,
С нами, маршируют в наших рядах.
В последний раз звучит призыв;
К борьбе готовы мы все.
Скоро знамёна Гитлера взовьются над каждой улицей.
Ещё немного – и рабству настанет конец. *(досл., нем.)*
Автор песни – Хорст Вессель (Horst Wessel Lied)

² Отщепенец *(идиш)*

СОЛДАТ. Кто я, по-вашему, такой?

ЕВА. Мы знаем, кто ты такой.

КЛАРА и ЕВА (*вместе*). Просто никак не сойдёмся в цене.

Хохочут. Потом снова наполняют бокалы.

СОЛДАТ. Я думал, вам не этого нужно.

ЕВА. Открыл ящик, а теперь боишься заглянуть внутрь. Не волнуйся. Там пусто. Все летучие мыши разлетелись. Господи, презренные женщины! Пять минут, и твоя душа тебе не принадлежит.

КЛАРА. А магометане считают, что у них души нет.

ЕВА. Не лишено смысла. Вот если бы кто-то из них был на моей стороне. Но они на другой стороне. Потому что... (*Набрасываясь на КЛАРУ.*) ...твои жалкие вояки, если не отступают, то всё свободное время, которого у них слишком много, заняты изготовлением фарша из африканцев. Боже мой, как же дорого я заплатил за твою дружбу! Империалист.

КЛАРА. Сучья да камни.

ЕВА. Не перебивай. Невыносимо, когда появление на свет воинов зависит от низшего существа. Невыносимо, что существо, которое только и может что стирать, наряжаться да плодить щенков, должно стать необходимым спутником волевого мужчины. Но что поделаешь! Без женщин в политике невозможно. Куда они, туда и мужчины. Но ведёт женщин самый сильный. По всей Германии женщины шепчут моё имя при первом поцелуе, стонут в минуту оргазма, выкрикивают при родах. На пупках у них татуировки в виде свастики. Они бросаются в гекатомбы перед моей машиной в надежде, что я их изувечу, а потом утешу. Женские блоки партии предлагают мне возродить для них право сеньора. Каждое утро я получаю множество эротических посланий, способных разжечь огонь в чреслах отшельника. Так с чего ты взял, что чем-то от них отличаешься? Отличаешься. Отли-чаешь-ся. Да... какое-то отличие есть. Но какое? Ты не замечаешь?

КЛАРА. Что у тебя на уме?

ЕВА. Нет, посмотри внимательно на форму черепа. На волосы. Есть некая шероховатость. И эти бегающие глазки. По-твоему, он похож на типичного немца?

КЛАРА. Может быть, он итальянец.

ЕВА. Не говори ерунды. Ты отлично знаешь, к чему я веду.

КЛАРА. У него голубые глаза.

ЕВА. Да, в его внешности много диковинного. Amico¹, вечер не пропал даром. (*В сторону, КЛАРЕ.*) По-моему, мы заполучили жидёнка. Настоящего высшей пробы *poffkeh*.

КЛАРА. Скоро они тебе под кроватью начнут мерещиться.

ЕВА. Смейся, смейся.

КЛАРА. Нос всё равно не тот.

ЕВА. Мелочи. Мелочи. Что один изменит, другой может вернуть. (*СОЛДАТУ.*) Зачем тебя сегодня сюда прислали?

СОЛДАТ. Помогать вам.

ЕВА. И как ты себе это представлял?

СОЛДАТ. Я не знаю. Я думал, вы скажете мне, что вам будет нужно.

ЕВА. И что мы?

СОЛДАТ. Сказали.

ЕВА. А что ты? (*Нет ответа.*) А ты ничего. Ты давал присягу повиноваться беспрекословно?

СОЛДАТ. Да.

ЕВА. Ну разумеется. Не повторишь ли?

¹ Приятель (*итал.*)

СОЛДАТ. Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, вождь и канцлер немецкого рейха, служить верно и храбро. Я клянусь повиноваться до самой смерти тебе и... и...

ЕВА. Ну?

СОЛДАТ. ...и всем, уполномоченным твоей властью...

ЕВА. И так далее, и так далее. Благодарю. Не слишком хорошее начало у нас с тобой? Кто твои родители?

СОЛДАТ. Я вырос в приюте.

ЕВА. Ты же говорил, у тебя девять братьев и сестёр, и родом ты из Эльзаса. Теперь я не знаю, чему верить. Ты стыдишься своих родителей?

СОЛДАТ. Нет.

ЕВА. Почему?

СОЛДАТ. Почему?

ЕВА. Почему ты их стыдишься?

СОЛДАТ. Я только что сказал...

ЕВА. Я слышала, что ты сказал, но я задала тебе вопрос.

СОЛДАТ пытается привести в порядок одежду.

ЕВА. Ты что там делаешь? Сам с собой балуешься, маленький пакостник? А ну, прекрати!
(*КЛАРА.*) По-моему, мы что-то скрываем. Пойди проверь. Всё на месте?

КЛАРА изящно, но деловито проводит осмотр.

КЛАРА. Не совсем.

ЕВА. Чик-чик?

КЛАРА. Чик-чик.

ЕВА. Я подозревала.

КЛАРА. Может быть, он протестант.

ЕВА. Иди в жопу, протестант! Он и в дорогом ресторане не станет поднимать шум, если увидит в супе муху. Против чего ты протестуешь?

СОЛДАТ. Я не протестую.

ЕВА. Не протестант. Ясно. Тебе, конечно, известно, что истинный ариец не даст своего согласия на подобную операцию ни для себя, ни для своего потомства? На операцию, чьи корни восходят к ритуальным жертвоприношениям исключительно семитского характера. Я должна сказать, что в пустынных регионах, населённых этими народами, операция, возможно, имеет определённую практическую пользу, и я всем сердцем сочувствую бравым парням из Африканского корпуса. Тебе же... безусловно нет. Кроме того, я склоняюсь к мысли, что ты пытаешься скрыться под маской принадлежности полу, к которому имеешь весьма туманное отношение. Не окажется ли твоё происхождение таким же маскарадом, если не сказать обманом? Ну, ну, мы не чудовища. Никто не в ответе за то, чего не в силах изменить. Ты состоишь в спортивном клубе?

СОЛДАТ. Прошу прощения?

ЕВА. В спортивном клубе. В клубе для занятий спортом. Я не знаю, как это на идиш.

СОЛДАТ. Я состоял раньше.

ЕВА. Состоял. Раньше. Среди членов клуба были евреи?

СОЛДАТ. Были.

ЕВА. Были. Что с ними стало?

СОЛДАТ. Ушли. Один из них повесился.

ЕВА. Это почему?

СОЛДАТ. Его попросили покинуть клуб.

ЕВА. Разве не было спортивных клубов для евреев?

СОЛДАТ. Были. Клуб «Бар Кошба».

ЕВА. Среди его членов были арийцы?

СОЛДАТ. Вряд ли.

ЕВА. Нет? Ты говоришь, словно это само собой разумеется.

СОЛДАТ. Я только имел в виду, что ариец вряд ли вступил в такой клуб.

ЕВА. Я и говорю – как само собой разумеется. Ты это одобряешь?

СОЛДАТ. Несомненно.

ЕВА. А, значит, если ты одобряешь существование клубов для евреев, куда не допускаются арийцы, ты, очевидно, не станешь выступать, говоря твоими словами, против существования клубов для арийцев, куда не допускаются евреи?

СОЛДАТ. Наверное, нет.

КЛАРА. Наверное, наверное.

ЕВА. Так не кажется ли тебе излишним вешаться только потому, что тебя исключили из членов клуба для немцев? Высокомерие. Вот как я это называю. А ты как бы назвал?

СОЛДАТ. Высокомерие, наверн... высокомерие.

ЕВА. Оставим в стороне, что именно немцы, а не евреи, находятся в своей собственной стране. Евреи должны быть нам благодарны за то, что мы позволяем им создавать еврейские клубы. Ты нам благодарен?

СОЛДАТ. Но я не еврей.

КЛАРА. По-моему, решать это следует вышестоящим.

ЕВА. Говоря словами великого бургомистра Вены, я решаю, кто еврей, а кто нет.

СОЛДАТ. Вы сами сказали, никто не в ответе за то, чего не в силах изменить.

ЕВА. Сказала и готова повторить. Но это не значит, что мы можем позволить безответственным элементам жить в обществе в своё удовольствие. Даже ваш еврейский доктор Фрейд утверждает, что сексуальные отклонения – это болезнь, а не преступление. Значит ли это, что мы должны позволить психически нездоровым людям бродить повсюду, заражая своими болезнями здоровые массы немецкого народа? Нет, их место в больницах, или же, раз они не прикованы к постели, в таких местах, как, я не знаю, лагерь, где за ними будут ухаживать и где они перестанут быть угрозой для других. *(КЛАРЕ.)* Ну как?

КЛАРА. Prima.

ЕВА. Ты могла бы проявить чуть больше интереса. Вставила бы словечко-другое.

КЛАРА. Его святейшество решает за меня все эти вопросы.

ЕВА. Даже в твоих тюрьмах больше политических заключённых, чем в застенках Инквизиции.

КЛАРА. Ну, да...

ЕВА. Так не прикидывайся святошей. *(СОЛДАТУ.)* Итак, вернёмся к нашему дельцу. Ты когда-нибудь видел негритянок?

СОЛДАТ. Да. В кино.

ЕВА. Ты когда-нибудь спал с негритянкой?

СОЛДАТ. Нет.

ЕВА. Но хотел бы?

СОЛДАТ. Я не знаю.

ЕВА. Ты не знаешь?

СОЛДАТ. Как я могу ответить, если ни разу не пробовал?

ЕВА. Мой милый мальчик, я ни разу не пробовала играть на скрипке, но я совершенно точно знаю, что не умею играть. *(КЛАРЕ.)* Подтвердишь? Твой друг... *(Снова СОЛДАТУ.)* Подобная разборчивость прописана в Талмуде. Разве ты не видишь, что эти люди не такие?

СОЛДАТ. Какие люди?

ЕВА. Негритянки.

СОЛДАТ. Не такие, как мы. Да.

ЕВА. Я имею в виду, не такие, как арийцы.

СОЛДАТ. Да.

ЕВА. Но даже ты не знаешь, хочется тебе или нет... Должна сказать, я поражена. Сношение с иными биологическими видами столь же противно законам природы, как сношение со своим собственным полом. Мне казалось, еврейский закон гласит об этом достаточно ясно – книга Левита устанавливает довольно строгие правила поведения.

СОЛДАТ. Я никогда не читал её.

ЕВА. Я могу испытывать уважение к тем, кого преследуют из-за религиозных убеждений, пусть даже ошибочно. А распушенный человек подл и застенчив.

СОЛДАТ. Но я не еврей. Я немец.

ЕВА. Ворона в павлиньих перьях всё та же ворона. Не усложняй нам задачу. Не вынуждай нас прибегать к мерам, о которых позабыла даже церковь. Поверь, я была бы счастлива, если б евреи остались в Германии. Нашей военной промышленности больше пользы от одного еврея, чем от двух-трёх иностранных пленных. Вы говорите на нашем языке, не устраиваете саботаж, нам не надо тратить силы и средства, чего, видит бог, мы не можем сейчас позволить, на перевозку вас из самой... откуда-нибудь. Разве ты не видишь, что безопаснее жить со своим собственным народом? *(Прикалывает ему на грудь жёлтую звезду.)* Попробуй теперь выйти на улицу – далеко ли уйдёшь? И куда тебе идти? К кому обратиться за помощью? Где добыть еду? Не изменяй вере, и смерть дарует тебе славу. Если это не шутка. *(Нежно обнимает его за плечи.)*

СОЛДАТ. Смерть?

ЕВА. Присядь. Здесь никто не умрёт. Ты испытал потрясение. Ты чувствуешь себя измученным, униженным. Ты запутался и больше не понимаешь, что правильно, что нет – это естественно. Но ты должен верить.

СОЛДАТ. Во что?

ЕВА. Всегда есть выбор. Но свобода – это не цель, а средство, которое нужно строго контролировать и подавлять, когда надо, если мы хотим создать на земле идеальное государство. Без веры мир никогда не станет лучше. Конечно, люди будут страдать, они всегда страдали и всегда будут, но они будут страдать ради великой цели, а это – самое лучшее в жизни. Разве не так?

СОЛДАТ *(робко пытается вырваться из объятий)*. Я – немец.

ЕВА. С библейских времён евреи не сознавали большей принадлежности к своей расе. Вы сами к этому шли. Пока они жили здесь, прикидываясь немцами, они и считали себя немцами. Их немецкие окна разбили, их немецкие имена стёрли с немецких военных мемориалов. На четвереньках они скребли немецкие тротуары немецкими зубными щётками. Теперь у них не осталось ничего, кроме их еврейства. После Артура Бальфура¹ я сделала больше всех для еврейского самосознания.

КЛАРА. И они тебе благодарны?

ЕВА. А, благодарность! Никогда не жди её, особенно от сирот. *(СОЛДАТУ.)* Теперь спи. Спи. Я развею твои тревоги. *(Закрыв глаза, прижимает пальцы к вискам.)* Нет тревог, нет надежды. Нет надежды, нет ненависти.

КЛАРА. Сага, ты была великолепно.

ЕВА. Что-то ты не очень мне помогала.

КЛАРА. Мне казалось, ты была в упоении.

ЕВА. В упоении? Я? Да у меня не осталось сил – ни физических, ни душевных. Ты не представляешь, как это выматывает – добиваться от нации потворства, а от жертвы уступчивости. Но как ещё можно наказать тех, кто не чувствует вины? Прежде чем дети сами узнают, что такое безнравственность, им нужно объяснить. Иначе наказание не подействует. Они станут сопротивляться.

КЛАРА. Разве они не сопротивляются?

¹ Английский политический деятель, автор Декларации Бальфура (1917), поддерживающей идею создания еврейского государства в Палестине.

ЕВА. Кто? Они? Не слишком. Против них сила истории. И мораль. Самая большая ложь, даже если её опровергнуть, оставляет после себя следы сомнений, как веник оставляет по углам пыль. Едва наказание становится законным, его считают сперва логичным, затем обычным и, наконец, заслуженным. У всех, кто отворяет дверь в полицейский участок, совесть немного не чиста.

КЛАРА. Сага, говно есть говно... (*Указывая на модели.*) ...даже если выглядит вот так.

ЕВА. Говорить это – в истинно итальянском духе.

КЛАРА. Подчёркивать это – в истинно немецком духе. Давно собиралась спросить, сага... этот бант... если хочешь надеть... вдруг... можно мне?.. (*Прикалывает украшение к платью ЕВЫ.*) Господи, какая плотная ткань.

Сирена воздушной тревоги.

КЛАРА. Ehi, Madonna mia, что это?

ЕВА. Налёт.

КЛАРА. Что будем делать?

ЕВА. С места не двинемся. Женщины, как мы, должны выступить единым фронтом.

Звонит телефон. ЕВА снимает трубку.

ЕВА. Ja... am Apparat... wir werden selbstverständlich der Einladung des Führers Folge leisten... Auf Wiederhören.¹ (*Кладёт трубку.*) Великие люди из зала заседаний спустились в бомбоубежище. Я сказала, что мы идём к ним. (*Берёт сумочку.*) Я давно мечтала о том, как мы собьем английский самолёт, оттуда выпрыгнет пилот, раскроет парашют и приземлится в саду Канцелярии. И пилотом окажется Кларк Гейбл.

КЛАРА (*вздыхает*). Eechi.

ЕВА. Единственный мужчина, которому не нужен костюм, чтобы быть героем.

Слышен звук приближающегося самолёта.

ЕВА. Теперь никто не помешает нам выйти отсюда.

КЛАРА. Так может, нам пора?

ЕВА. Даже Лесли Ховард... И всё же он немного... слишком слаб, и не заслуживает любви такой женщины, как Скарлет. Женщины, способной в одиночку противостоять всему миру, пока не встретит... Обожаю предаваться иллюзиям.

КЛАРА. Тогда остаётся лишь одна надежда... создать миф.

ЕВА. Так давай создадим. Мужчины живут мифами. А женщины их создают. Мужчины тянутся к совершенству. Но не способны разглядеть мелочи.

КЛАРА (*указывая на СОЛДАТА*). А он?

ЕВА. Миф, который переживёт нас всех. Злодеи станут жертвами, жертвы станут злодеями. Лет через двадцать. Каждому времени нужны те и другие.

Вдалеке разрывается снаряд.

КЛАРА. Это бомба?

ЕВА. Скорее всего, зенитки. Может, они сбили самолёт Кларка Гейбла. Надо бы мне подкрасить губы. Для Кларка.

КЛАРА (*глядя на СОЛДАТА*). Какой... хорошенький.

ЕВА. Моя дорогая, если хочешь серьёзных отношений, выбирай те, что будут длиться – что-нибудь прекрасное и разрушительное. Точка.

ЕВА протягивает КЛАРЕ фотоаппарат. КЛАРА сначала морщится, потом качает головой.

КЛАРА. Откровенно говоря, Скарлет, мне теперь на это наплевать.

ЕВА. А, ерунда! Завтра будет новый день.

¹ Да... Слушаю... Разумеется, мы ответим на приглашение фюрера... До свидания (*нем.*)

Они отступают вглубь сцены. Мощный взрыв сотрясает комнату. СОЛДАТ просыпается.

СОЛДАТ. Меня зовут Ханна Вайнтрауб. Мне девятнадцать лет. Я родилась во Вроцлаве, также известном как Бреслау. До войны мои родители, упокой господь их души, разводили на собственной ферме кур, как рейхсфюрер СС Генрих Гимлер. Мой родной язык немецкий; также я говорю на идиш, немного по-польски, и понимаю иврит ровно столько, сколько нужно, чтобы посещать богослужения. Я не знаю, как я здесь оказалась. Нет. Это неправда. Я не хочу говорить, как я здесь оказалась. Лет через тридцать-сорок люди станут спрашивать: почему они это сделали? Почему *они* это допустили? Пусть сами найдут ответ. Он им может понадобиться. «Никому не позволено делать ложки из костей своих отцов и матерей», – утверждают раввины, уверенные, что их паства уже испытывает естественную неприязнь к подобного рода экономии. Эта неприязнь – всего лишь сентимент.

Но...

Что если потребность в ложках будет столь велика, что кто-то спросит: «Почему нет?» И докажет, что прогресс человечества целиком зависит от применения этого материала? Понадобится закон – даже лишённый сентиментальности не допустит подобного без содрогания. И однажды какой-нибудь мелкий чиновник, сидя в конторе, возьмёт штамп и отпечатает на бумаге «алеф», первую букву алфавита уничтожения. Последние три буквы в том алфавите – разрушенные сторожевые вышки Бельцека, Майданека, Треблинки. Если я не упоминаю Аушвиц, то только потому, что вам захочется услышать страшную историю, которой вы сначала не поверите, потом сочтёте обычной, а под конец – ничуть не захватывающей. Так устроен человек. Все эти сказки можно найти в дешёвых карманных изданиях в тех же магазинах, где вы покупаете контрацептивы и трактаты о бичевании, если они вам по вкусу. Как говорится, книги читают одной рукой.

В этой истории мало нового, ещё меньше того, что когда-нибудь устареет – за исключением техники, разумеется. В любой стране найдётся кто-то, готовый назвать сограждан, чьи права следует так или иначе ограничить – пока не пришло время объявить их преступниками. Так, при неизменном попустительстве бюрократии, прорастают семена будущих убийств.

Наследие немцев – это не зверства их программы, даже не их размах. Это установленный ими стандарт. Который пока не превзойдён. Дым из труб «пекарен», как мы трусливо называли крематории – назовите это бегством от реальности – скрывает так много, о чём можно сказать: «Всё не так уж страшно». Во всяком случае, кто теперь вспомнит? Кто вспомнит сорок пять тысяч крепких здоровых мужчин из Галлии, у которых по приказу Цезаря отрубили правую руку? Семьдесят пять тысяч убитых при Бородино, о которых Наполеон сказал: «Одна ночь в Париже восполнит все потери»? Цезарь, Наполеон, Гитл... Безумцы, безумные настолько, что даже безумцы считают их безумными. Ах да, Мессия. Как же! Ещё одна выдающаяся личность.

И запад сияет, но лишь на закате солнца, и нет спасения на востоке. Я обращаю очи мои к вершинам: но откуда придет помощь? Чёрт, хороший вопрос! Моген Тувид, знак Давидов, жёлтая звезда. Мой освети путь; и погасни над Вифлеемом.

Во время своей речи СОЛДАТ привёл в порядок форму и снова держит спину прямо. Он катит сервировочный столик с чаем, словно только что вошёл в комнату. Женщины, продолжая разговор, выходят вперёд. Они вновь выглядят безупречно. Только комната осталась в беспорядке.

ЕВА. Я так рада, что вы смогли приехать.

КЛАРА. А какие сцены мне пришлось для этого устроить! Но поезд был превосходный. До самой... *(Замолкает на полуслове. Острый угол обойдён.)*

ЕВА. Не хотите ли чаю? (*СОЛДАТУ.*) Можете подавать.

КЛАРА. Как чудесно увидеть что-то кроме этого бесконечного коричневого цвета! Какой странный выбор! Почему не белый? Видели фильм «Письмо»? С Бетти Дэвис? Нет? У нас в Риме уже показывали. Oh, ma che meraviglia.¹ Она носит белое всё время, и убивает этого парня, он, кажется, её любовник, но на суде её оправдали, а потом узнали, что убила она, её муж узнал, и она ему говорит: “Sssssssii, l’ho ammazzato io. E sono felice, te dico, felice, felice, felice.” (*Вздыхает.*) Ahh.

ЕВА. И что это значит?

КЛАРА. А? А, она рада, что сделала это. Рада.

ЕВА. Рада?

СОЛДАТ предлагает сахар и молоко.

КЛАРА. Рада. Да, да. Потом она идёт в сад на Верную Смерть. О, чай, спасибо. Кто вам нравится больше всего? Сахара не надо. Благодарю. Чудесный. Чай.

ЕВА. Когда я была моложе, я питала огромную слабость к Джону Гилберту.

КЛАРА. А! С Гретой Гарбо в «Королеве Кристине». Знаете, почему она всегда носит длинные платья? У неё огромные ноги. Si, ma vero.² Мне Феррагамо сказал. Из всех клиентов самые большие ноги. На вас это платье – как у Миры Лой в фильме «Когда встречаются леди». Смотрели?

ЕВА. Не думаю.

КЛАРА. Ahh, рессато³, эта Мира Лой, она прекрасно одевается. С таким вкусом. Всегда в новом наряде, в каждой сцене. Нора Шерер, у неё тоже красивые вещи. Знаете, в жизни она ужасно косит. Vero. На экране иногда заметно, но только если знаешь. Конечно же. Она замужем за директором киностудии. Немного похоже на нас с вами, не так ли?

ЕВА. Какое счастье знать, что так будет всегда. Так, как мы хотели.

КЛАРА. Ma sara, разве можно жить, если всё известно заранее? Дуче и ваш друг, они осуществили мечту каждого – мундиры, пистолеты и никакого выбора. Да – могу я называть вас Евой? – маленькие девочки играют в куклы, потом вырастают и рожают детей, некоторые. А маленькие мальчики играют пистолетами, потом сами с собой, а когда вырастают – во что им играть? Вот я и говорю, дуче и ваш друг, они дали им всё – как в кино. Верно? Не надо пирожных, спасибо. Может, немного хлеба с маслом?

СОЛДАТ. Фюрер заставил Историю служить Предназначению.

КЛАРА (*мгновенно переходя от замешательства к ликованию*). Именно это я и говорю – как в кино. (*Снимает шляпу.*) Не хотите ли примерить мою шляпку, sara? Вам подойдёт. И поднимет настроение.

КОНЕЦ

Павел Шишин

pavel.shishin@gmail.com

¹ Ах, какое чудо! (*итал.*)

² Правда (*итал.*)

³ Жаль (*итал.*)

